

Марк Лешелье
«Черный стройраствор»

Пожалуйста, перед применением внимательно прочтите данный текст. Если у вас возникнут дополнительные вопросы или какие-либо сомнения, обратитесь к кому-нибудь.

Храните этот текст в надежном месте, возможно, вы захотите прочесть его снова.

Состав «Черный стройраствор»?

Суть заключается в быстрой постройке неспроектированного объекта. Основное внимание уделяется процессу: прямолинейная материальность архитектурности и пластичность. Это не проект, но проекция. Продуманность в какой-то момент остановлена, и далее преобладает действие.

Типологически это располагается в пространстве между искусством и архитектурой, обладая скорее потенциалом, чем функционалом. Все-таки потенциал — это не то, что нужно заранее знать, а лишь догадываться и/или чувствовать. Составные: жидкие и твердые компоненты. Ключевые слова: анти-архитектура и/или силикат.

Какова рекомендуемая доза?

Рекомендуется заранее согласованный интуитивный объем согласно инструкциям, но метод может варьироваться в зависимости от обстоятельств. Доза должна быть достаточно большой, чтобы было возможно войти, по крайней мере теоретически.

Каковы меры предосторожности приема «Черный стройраствор»?

Если один из трех (скульптор, художник, архитектор) — это про вас; больше или меньше одного — это немного другая тема. Если вы предпочитаете центр города окраинам с точки зрения окружающей среды. Если вы венский акционист и/или неоклассицист.

Что произойдет в случае пропуска приема?

В случае пропуска приема примите, как только вспомните. Затем продолжайте прием по прежней схеме. Попробуйте, подходят ли составные друг другу. Если нет, пробуйте еще раз.

Каковы побочные действия «Черный стройраствор»?

Вы можете обнаружить функциональные качества в бесполезных вещах (и наоборот). У вас может возникнуть непреодолимое желание строить, сооружать, возводить, класть кирпичи. Специалисты Diagram Brothers (не родственники) отметили: «Bricks, lay them down in a straight line / Bricks, build them into a wall / Bricks, very useful objects / They're not expensive at all / Bricks, we all take them for granted / Bricks, different colours and sizes / Bricks, I think I'll go out and buy some / They're not expensive at all».

В случае возникновения неудобств в связи с вышеназванной или иной побочной реакцией, поговорите с кем-нибудь.

Текст:

Художник:

Как правило, архитектурой считаются завершенные здания или сооружения. Тогда они такие, какими должны быть. Процесс зарождения архитектуры от видения до сдачи под ключ считается технической подготовкой. Разве не так обстоит дело с жизнью в целом? Сколько бы ни говорилось, что путь это и есть цель, что чувства и стремления, ощущения и мнения сами по себе являются ценностями, обычно бывает наоборот — значение имеют результаты.

Есть определенное противоречие в том, что Лешелье, с одной стороны, хочет выдвинуть на первый план произвольные процессы, элементы и силы, создающие пространство, а с другой — его работы самодостаточны, строго продуманы и концептуально взвешены, и это несмотря на то, что автору далеко до старости. Противоречие есть, но диалектическое: без ведущей ясной мысли нельзя было бы отследить стихию, без стихии концепция была бы бескровной.

Лешелье сознательно использует самый банальный строительный элемент — кирпич. Простой кирпич — это самый доступный и дешевый инструмент, позволяющий архитектору не вовлекаться в рыночную экономику и погрузиться в творчество, выйти на метауровень. Этот добровольный аскетизм указывает на большие художественные амбиции.

Лешелье говорит, что он ищет нечто среднее между архитектурой, скульптурой и акционизмом, и он уверенно приближается к этому. Он хочет показать, как мир рождается из основных элементов. Он демиург. Прекрасно и одновременно пугающе, что в работах Лешелье не видно и грамма иронии. Понятно, что ирония — оружие не для слабых. Однако Лешелье относится очень серьезно к себе и миру. Он не смотрит утомленным всезнанием взглядом ни на работы коллег, ни на свои проекты, и не мирится с пределами человеческих возможностей. Ему нужен оригинал, а не копия. Он спрашивает, на что еще способна архитектура? Такие люди меняют мир.

Художник:

Текст:

2000 Г. ДО Н. Э.

Марк задумчиво чешет спину. Палкой, а не когтями. Палка-чесалка — последняя находка в длинной череде его изобретений. До сих пор самым популярным было гнездо для ночного сна из листьев речной березы, которое служит дольше, чем гнезда из листьев любого другого дерева. В нем можно спокойно спать до четырех ночей, что экономит время по вечерам, когда можно наблюдать закат и общаться с соплеменниками. Марк действительно гордится этим гнездом, оно — звезда его портфолио. Он удовлетворенно рыгает, почесывая затылок и не сводя глаз с играющих в стороне детишек из своего племени. Сегодня его очередь присматривать за ними, остальные отправились на охоту.

«Палка-чесалка — это, разумеется, ерунда», — Марк возвращается к реальности, — «Такую палку мог бы изобрести кто угодно. Все дело в патенте, бизнесе, рекламе». Он тяжело вздыхает, наморщив лоб, который несколько выше и круче, чем у его соплеменников. Душа жаждет чего-то большего, чего-то особенного. Чтобы потрясти всех. Чтобы потомки поняли, что есть нечто большее, чем простое существование у реки. Хотя Марк не имеет ни малейшего представления, что это может быть. Даже когда у него еще не было взрослого имени, он любил размышлять о вещах, которых не существует.

Не отвлекаясь на визг малышей, Марк переводит взгляд на термитник: «Термиты работают коллективно. Я же работаю в одиночку». «Но я больше, чем термиты», — размышляет Марк. Замок термитов и раньше привлекал его внимание. Он даже находит, что у термитов есть что-то вроде племенного сознания. Не может быть, чтобы они строили свои замки, руководствуясь лишь инстинктами. Однако Марк не делится этой мыслью со своими соплеменниками, так как подозревает, что те либо высмеют его идею, либо решат, что у него окончательно съехала крыша и пора бросить этого парня одного в джунглях, хватит уже с них инновационных палочек да гнезд. Наши предки спали на дереве, и никто не ныл, гудбай Марк, ступай в потусторонний мир, да не посрами при этом звания представителя Речного народа, и привет предкам передавай.

«Я все-таки совершенно параноидальная личность», — решает Марк, на мгновение встряхиваясь всем телом от шеи до рудимента хвоста (миниатюрный хвостик — его гордость и слава, большинство родичей давно рождаются без хвоста) и чихает, отгоняя беспокойство и показывая миру свои гордые клыки. Он сосредоточен. Термиты бегают вверх и вниз по стенам. Некоторые тащат какие-то листья или другой мусор. Они бегают по определенным маршрутам. Все подчинено системе. Марк думает. Он пытается думать, как термит.

Когда туземцы, усталые, но довольные, возвращаются с охоты, они сначала замирают. Их глаза не могут соединиться с префронтальной корой мозга. Такое случается, когда взору открывается нечто доселе невиданное, неопишное. Сначала они видят камни. Затем видят глину, принесенную из реки и набитую в щели между камнями. Конструкция пологая и вертикальная, это не каменистый холм, который иногда можно встретить, путешествуя по саванне. Они приближаются, чтобы подивиться на конструкцию. Марк становится рядом. «Смотрите, какую штуку я сделал», — говорит он. Это стена. Соплеменники молчат. Они призадумались, крепко призадумались. Но их лбы не так высоки и круглы, как у Марка. «Марк, ты все-таки странный тип», — говорит наконец вождь племени, — «Эта штука закрывает вид на реку. Иди лучше, помоги мамонта ободрать. И дай мне эту палку, у меня спина чешется, весь взмок на этой чертовой охоте».

Текст:

Художник:

Mark

Hanna Lamm

Творчество Лешелье разворачивается как элегантный дуэт строительного кирпича и слова. Чем проще исходный материал и техника конструкции — по сути, скульптурного процесса, напоминающего работу творческого каменщика, — тем более сложным становится связывающий его дискурс. Лешелье говорит через перспективу архитектора и взаимоотношений с архитектурой как дисциплиной, но его слова пытаются расторгнуть все связи со своим прочным профессиональным фундаментом.

Конфликт, нежелание, отстранение и сопротивление — вот слова и факторы, скрывающиеся за физической оболочкой работы. Последняя может вызвать впечатление строительной площадки, промежуточного пространства, где понятия *законченный* и *незаконченный* становятся излишними. Лешелье подталкивает нас обратить внимание на процессуальную, беспорядочную и рудиментарную фазу архитектуры, которая иначе может остаться незамеченной теми, для кого здания — просто стабильные структуры, в которых можно жить.

Отдаляясь от идеи функции и использования, художник сосредотачивает внимание на оголенном остове структуры, которая будет построена. «Direct construction (Непосредственное сооружение)», термин, которым он обозначает процесс создания объекта, включает в себя ряд отдельных процедурных действий. В центре внимания — физическая энергия тела, перформативный момент, единственным свидетелем которого может остаться сам художник. Вместе со словами угасает и борьба. Форма приходит к ищущему.

Художник:

Текст:

Kaljo

Movic

Leshelie

Magdalena

Марк сочетает в своей работе перформанс, видеоарт, архитектуру, акционизм, скульптуру и зодчество. Он познакомил нас со своей деятельностью и планами через Zoom. Конечно, сложно описать заранее что-то осязаемое, материальное и возводимое прямо на месте. Особенно если процесс создания произведения является фундаментальной частью самого произведения. Основываясь на более ранних работах художника, можно сказать, что он отличается очень определенным стилем и техникой, поэтому, когда Марк Лешелье говорит о первобытной архитектурной функции силикатного кирпича и раствора, о спонтанном скульптурном объекте, который он намеревается создать в Таллинне, можно составить определенное представление о будущем творении. Однако, когда мы смотрим на его более ранние работы в Zoom, мы можем видеть только конечный результат. Тем более интересным становится узнать, как же будет выглядеть его творческая акция. Будет ли она быстрой и грубой или взвешенной и точной? Может быть, он будет рычать и фыркать, весь заляпанный раствором — или мы услышим лишь дыхание сосредоточенного человека и тихий стук камней, которые складываются в стену? Фотографическая документация работ позволяет предположить и то и другое. Некоторые сооружения довольно топорны и неровны — как будто, начиная строительство, художник не знал, как пойдет кладка. Другие же постройки продуманы и скульптурны, они как-будто возведены в соответствии с предварительно подготовленным макетом. Но все созданные Марком строения, даже с экрана, излучают мощь и необузданную энергию.

Мне вспоминается перформанс Бриджет Полк «Балансируя скалы и бульжники», который мне посчастливилось увидеть этим летом на Рижской международной биеннале современного искусства RIBOCA2, в ходе которого художница на глазах у зрителей строила невероятные башни из найденных тут же обломков кирпичей и строительного мусора. Медитативная и молчаливая балансировка камней кажется полной противоположностью «непосредственному строительству» (direct construction), как называет Марк свой творческий процесс, но я все же вижу в них много общего. Обоих художников характеризует баланс. Он может быть тихим или напористо-демонстративным, но, по моим ощущениям, баланс присущ обоим художникам. Их свободное самоопределение, понимание роли художника также как архитектора и человека, приводящего камни к равновесию, дает им возможность взглянуть на скульптуру как таковую более широко, чем это было принято раньше. Бриджет и Марк оба сами физически присутствуют среди своего материала — камней, кирпичей, раствора и пыли. Они творят собственным телом, оставляющим следы. И когда мы смотрим на результаты творческого процесса обоих художников, мы все еще ощущаем присутствие их создателей.

Художник:

Текст:

Maavik

Maavik

Leshelie

Марк Лешелье изучал архитектуру и сейчас работает в основном в области скульптуры и перформанса на базе местной специфики. Он мечтает об архитектуре как дисциплине, которая находится в более непосредственном диалоге с искусством вместо общения с бюрократией и подчинения правилам. Лешелье хочет создать архитектуру без дизайна, свести архитектуру к скелету, чтобы понять ее компоненты и предоставить автономию строительному камню и связующему материалу. Бунтуя в своей практике против традиционной архитектуры и ее основных механизмов действия, он определяет свою деятельность как «непосредственное строительство» (direct construction) и «первобытную архитектуру». Однако, если отбросить все определения, данные творчеству самим художником, то создаваемые им структуры можно рассматривать как эстетический оммаж преимущественно бруталистской архитектуре и, в меньшей степени, арте повера.

Лешелье работает в трех основных категориях — уменьшенные модели, физические перформансы и прототипы в натуральную величину. Будь то возведение стены или каменной кладки как перформанс или публичные прототипы, конструкции из строительного камня порой похожи на руины и следы, оставшиеся после выполнения какого-то ритуала.

В презентации работ имеют важное значение документация произведений, манипулирование пропорциями и постобработка фото и видео.

На Артишок биеннале также сыграет большую роль в восприятии работы ее документация. Художник возведет свою спонтанную конструкцию в помещениях Эстонского музея современного искусства и, чтобы вплотную приблизиться к интересующему материалу, проникнуть ему практически «под кожу», задокументирует свою деятельность в стиле «непосредственной съемки» (direct cinema) с помощью камер GoPro. При этом камеры на «строительной площадке» станут такими же инструментами, как и другие, и будут экспонироваться на выставке в арт-центре Kai. То есть прикоснуться к этому т.н. непосредственному строительству мы сможем только посредством экрана.

Художник:

Текст:

Maria

Создатель в ужасе. Он не знает, чего хочет. Кирпич и строительный раствор плохо сочетаются. Один твердый и квадратный, другой — мягкий и плавный. Зачем им быть вместе, если один хочет течь, а другой — стоять на месте? У создателя, однако, есть четкая цель: они должны стать одним целым во что бы то ни стало. Но как этого добиться? Ответа нигде не найти, сами материалы демонстративно молчат. В воздухе запахло конфликтом. Но создатель так легко не сдается. У него есть четкая цель соединить их вместе. Но почему? — спросите вы. Для чего они должны стать одним целым? У создателя где-то было много бумаг на эту тему, там все и было написано. Но сейчас руки уже заняты работой, а бумаги где-то потерялись. Придется обойтись без этого. Творец берет кирпич и ставит его на место. Стоит хорошо, но чего-то не хватает. А не положить ли на него строительный раствор, щедрую такую порцию? Да. Что-то в этом есть. Какая-то вариативность, контрастность или что-то в этом роде. Еще один кирпич. Еще раствор. Стена растет. Под весом кирпичей раствор всасывается между рядами. Создатель разгорячился: раствор, кирпич, раствор, кирпич. Раствор и еще один кирпич. Повторение мать учения! К чему эти мысли, забытые на бумаге? В руках и повторении столько силы. Стена растет. Ах, зачем стена? Не знаю, просто захотелось. Простая конструкция. Просто выросла. Эта стена. И можно к ней еще что-то придумать. Не обязательно, но можно. Представьте себе окно в стене. Или дверь. Проход внутрь или наружу. Но это не так уж важно. Главное есть стена.

Художник:

Текст:

Luiga

Vitamin

Лилиан Хиоб:

Не хочу утверждать, что я хорошо знаю историю архитектуры, но работы Марка напомнили мне Миса ван дер Роэ и его «skin and bones architecture (архитектуру «кожа да кости»)). Марк говорит о деконструкции архитектуры и обнажении скелетов зданий. Также, как мне показалось, он относится критически к архитектуре как культуре копирования. Каждое проектируемое здание он старается наделить своим лицом и идентичностью, а еще — раскрыть материалы, которые используются в его конструкции. Современная архитектура — клинически-анонимная и «slick (скользящая)», а его здания выглядят как архитектурные завалы. Они напоминают мне руины — разрушения, вызванные либо военными действиями, либо ходом времени. Объекты Марка, будучи еще новыми, выглядят весьма старыми.

Сийм Прейман:

Мне самым интересным кажется факт, что он «hands-on (архитектор-строитель)». Архитектура представляется мне сферой с весьма четкой иерархией. Если ты начинающий архитектор в большом бюро, то твоей работой может быть, к примеру, составление конкурсных проектов, которые перед отправлением на суд жюри просмотрит кто-то из авторитетных коллег. Если твой проект выиграет, то ты составишь уже следующий проект, который будут воплощать в жизнь, так сказать, настоящие архитекторы. Или, скажем, вопрос о делегировании. Даже если какой-то твой проект будет взят в работу, то не ты же сам будешь его строить. Подумай только — пришел на объект и видишь: слева и справа проложены красивые прямые трубы, а вот посередине кривизна. Ты рисовал и чертил дом, представлял себе, что и как будет тут функционировать, а позже, может случиться, над этим проектом станут работать тысячи людей. Марк же осуществляет весь процесс единолично. Как он сам сказал о себе: он архитектор и каменщик, делает все сам от начала до конца. Это отнюдь не типичный случай в сфере архитектуры.

ЛХ:

Марк сказал, что в архитектуре материал всегда подчинен чертежу, геометрии и системе пропорций. Он же движется в противоположном направлении. Да, он говорит, что хочет сделать свои постройки ближе человеку, поскольку современные здания становятся все более колоссальными, а материалы — далекими от человека. Но если мы посмотрим на его объекты, то ближе ли они человеку? Захочет ли человек в них войти? Скорее, они производят жутковатое впечатление.

СП:

Да, его объекты воплощают жутковато-холодную, подчиненную чертежу архитектуру. Как кажется, в обоих случаях — будь то заранее начерченный или рожденный в этот самый момент объект — лучше архитектуры пока еще ничего не изобрели. Не существует идеального антропоморфного пространства, которое можно было бы использовать и жить в нем.

Художник:

Текст:

Моя первая мысль о творчестве Лешелье была такова, что это поэзия материалов. Если в архитектуре и есть поэзия или она как-то ее воплощает, то вот именно таким образом. Живописно смотрятся также инсталляции художника, которые напоминают нарисованные свободными мазками полотна. Они настолько фотогеничны, что хорошо выглядят и как двухмерные изображения и как пространственные формы, каковыми они на самом деле и являются.

С одной стороны, объекты Лешелье кажутся отражением прошлого, с другой — будущего — но в любом случае они сильно дистопичны. Вспоминаются возведенные в советское время с большим энтузиазмом панельки в маленьких городках Эстонии, которые сейчас стоят одиноко и разваливаются. Они представляют собой модель жилья, как будто созданную специально для растущего населения мира — попури из строительных материалов, самодельные пристройки и возможное разрушение. Нет ни флоры ни фауны; ничего живого.

Наверное, это мой любимый проект на Артишок биеннале в этом году. Мне нравится устоявшийся почерк автора, осмысленная философия и способность достигать индивидуальности, раздвигая границы в выбранной области. Интеллектуален многослойный характер работ Лешелье, организация информации и баланс между ясностью мысли и интуицией. Концепция не превосходит эстетику, форма не затмевает идею. Нет пустой дерзкости, не делается попыток ввести публику в заблуждение. Для меня при ознакомлении с искусством важно, чтобы оно вызывало доверие, и чтобы автор был искренним. Творчество не всегда должно быть очень серьезным, как у Лешелье, но оно может быть честным и свободным от очевидного копирования тенденций. Здесь для меня выполнены эти условия.

Художник:

Текст:

Hoffmann

1. МЕРА, -ы; ж. **1.** Единица измерения. *Метрическая система мер. Меры веса, объёма. Метр — мера длины.* **2.** То, чем измеряют; мерило. *Мерой служит метровая линейка. Мерой стала железная кружка.* В качестве меры взят гранёный стакан. **3.** То, что служит основанием для оценки чего-л. или для сравнения с чем-л. *Какой мерой измерить человеческие страдания? Найти меру для определения чувства достоинства.* **4.** чего или с *опр.* Величина, размер, степень проявления чего-л. *М. ответственности. Ощущать меру опасности. Распределяться между кем-л. в равной мере. Передвигаться по мере сил, по мере возможностей* (соответственно с силами, возможностями). *Учиться в меру сил* (в соответствии с возможностями). *Учитель строг в меру* (столько, сколько нужно). *Отдых в значительной мере зависел от погоды* (значительным образом). *Не хочет видеть кого-л. ни в коей мере* (никак, никаким образом). // Последняя, крайняя степень чего-л.; предел, граница чего-л. *Всему есть м. Чувство меры* (понимание границы, степени проявления чего-л., каких-л. действий). *Знать меру, чувство меры* (понимать границу, степень допустимого в чём-л.). *Сверх меры весел* (чрезмерно; более, чем нужно). **4.** Старинная русская единица объёма для сыпучих тел, равная приблизительно объёму одного пуда зерна (обычно 26,24 литра); сосуд такого объёма. *Насыпать три меры овса.* **«Без меры, в зн. нареч. 1.** В большом количестве, очень много. *Есть без меры.* **2.** В большой степени, безмерно. *Любит без меры. Строг без меры. По мере чего, в зн. предлога.* В зависимости от чего-л., соответственно чему-л. По мере наступления осени на юг улетали птицы. **По мере того как, в зн. союза.** В соответствии с тем как. *По мере того как звучала мелодия, лицо светлело. По меньшей мере; по крайней мере, в зн. вводн. словосоч.* Во всяком случае. **Мерка; Мерный; Мерочка** (с.м.).

2. МЕРА, -ы; ж. Действие или совокупность действий, средств для осуществления, достижения чего-л.; мероприятие. *Принимать меры для улучшения снабжения. Принимать крутые меры в борьбе с преступностью. Меры наказания. Меры по улучшению ухода за посевами.*

ПОВТОРЕНИЕ, -я; ср. **1.** к Повторить — повторять и Повториться — повторяться. *П. болезни, ошибки, чужих слов.* **2.** Слова, предложения, музыкальные фразы и т.п., которые повторяются (в речи, в литературном, музыкальном произведении и т.п.). *Избегать повторений.* **3.** То, что (тот, кто) является воспроизведением, копией кого-, чего-л. *Сын — точное п. отца.*

Источник:

Большой толковый словарь русского языка.

Гл. ред. С. А. Кузнецов.

Первое издание: СПб.: Норинт, 1998.

Авторская редакция 2014 года.

Удвожник:

Текст: